Веч. Ленинград. — 1990. — 28 февр.

Сегодня — 70 лет со дня рождения Ф. А. Абрамова

КУДА ЖЕ ЗВАЛ ЗЕМЛЯК?

Сегодня Федор Александрович Абрамов — классик советской литературы. Переиздаются его книги, выходят в свет воспоминания о нем, спектакль «Братья и сестры», появившийся с его благословения, вывел героев Ф. Абрамова, его земляков, на мировую орбиту... И кажется порой, что жизнь и творчество писателя были безоблачными, что никто не мешал, никто не травил, никто не запрещал его книги.

Есть долги перед Федором Абрамовым и у журналистов: наши собратья по перу много постарались, чтобы развенчать и заклеймить талантливого писателя. Сочиняли письма за рабочих и крестьян, требовали от Абрамова, чтобы его книги «учили жить и работать по-коммунистически, вдохновляли на подвиги, помогали строить коммунизм». Особенно памятен 1963 год, когда после выступлений Н. С. Хрущева перед деятелями литературы и искусства начали искать врагов и в среде ленинградских писателей. Им претензии предъявил В. С. Толстиков, тогдашний первый секретарь ОК КПСС. Чистку провели солидную: разогнали редакцию журнала «Нева»; заставили снятого редактора С. А. Воронина каяться на открытом партийном собрании; в газетах открыли целую кампанию против «Невы» и Федора Абрамова, который, к слову, входил в редколлегию журнала. Вот что писала наша газета 11 апреля 1963 года в своем редакционном комментарии, а значит, под диктовку тогдашнего редактора Б. А. Маркова:

Грубую политическую ошибку допустила редакция журнала «Нева», опубликовав в первом номере за этот год сочинение Федора Абрамова, издевательски озаглавленное «Вокруг да около». Озлобленная, клеветническая позиция автора раскрывается уже с первых страниц. Под видом критики «районной политграмоты» он, по существу, отрицает огромную, плодотворную работу партии по дальнейшему подъему сельского хозяйства. Черная краска — единственная, которой пользуется литератор, изображая современную колхозную деревню, ее людей. Председатель колхоза, выступающий первоначально в роли пассивного главноуговаривающего, под финал не только с пьяных глаз поощряет частнособственнические инстинкты, но и протрезвев, решает отстаивать свою «установку». Женщина — лучший бригадир колхоза изображается как пьяница и распутница. Даже на юных доярок автор старается бросить тень, вульгарно высмеивая их девичью стыдливость. А редакционная коллегия журнала именно этим ущербным сочинением открыла свой отдел публицистики и очерка. Ничего себе «очерковая публицистика» — ей место в мусорной яме!

В ходе кампании досталось не только Ф. Абрамову, в обойме «очернителей и мелкотемщиков» оказались В. Панова, А. Володин, Г. Горышин, А. Битов, А. Кушнер, В. Соснора и даже В. Аксенов вместе с ленфильмовской лентой «Когда разводят мосты». Но публикация очерка «Вокруг да около» была признана «наиболее серьезной ошибкой». Перечитайте очерк. И вы убедитесь, насколько далек он от вульгарной критики тех лет, — это действительно очерк, легкий эскиз будущих «Пряслиных», написанный с любовью к землякам, к земле, полный провидческих мыслей о бедах русской деревни.

Е. АЛЕКСЕЕВА

□

На снимке: портрет Федора Абрамова работы Евгения Мальцева.

«Возжечь человеческое...»

Вы говорите о 1963 годе в биографии Абрамова. Вопрос должен быть поставлен шире — об Абрамове — предтече перестройки, о том, как ему мешали говорить правду, а он стоял на своем. И в 1954-м. Вспомните, университетский преподаватель написал статью для «Нового мира» — «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе», выступил против лакировки жизни, против всех этих «кавалеров Золотой Звезды». И сразу же последовала проработка Абрамова официальной критикой. Позже не один раз повторялось подобное. В 1969-м лучшую абрамовскую повесть «Пелагея» объявили «очернительством», между прочим, у нас, в Ленинграде. Так что и «Вечерний Ленинград», и «Ленинградская правда» внесли в это дело свой вклад. Ругали, поучали, упрекали. В 1973-м пытались убедить автора и читателей, что в романе «Пути-перепутья» писатель опять же очернил действительность. В 1979-м уже за последний роман тетралогии «Братья и сестры» снова попрекали: непонятно, куда зовет автор наше крестьянство в своем «Доме». Даже огненное, надрывное обращение к землякам «Чем живем-кормимся» (1979) не только в родной Верколе, но и в Москве не приняли некоторые прогрессивные литераторы, услышав в письме... барский окрик лишь за то, что счет предъявлял писатель не только начальству, но и самому народу. «Исчезла былая гордость за хорошо распаханное поле, за красиво поставленный зарод, за чисто скошенный луг, за ухоженную, играющую всеми статями животину. Все больше выветривается любовь к земле, к делу, теряется уважение к себе».

И это окрик? Помню, я спорил с одним публицистом, дескать, сам-то Абрамов разве не из тех же мужиков, разве не об общей беде он говорит, когда называет пьянство «национальным бедствием». Замечу, что «Правда», перепечатывая письмо из «Пинежской правды», как-то «потеряла» слово «национальным», но Абрамов в следующей публикации его повторил.

Он боролся за свое слово, за строчку, не шел на уступки, хотя мне неоднократно говорил, что без компромиссов нельзя. Но сам этому следовал редко. У него были все основания сказать на вечере в Останкине уже в 1981 году: «...Те произведения, которые критиковались раньше, сегодня записаны в актив советской литературы. И даже там, где раньше я был представлен как турист с тросточкой, там сегодня видят гражданственность и самую активную позицию автора».

Эта позиция проявлялась везде — и в романе, и в очерке, и в выступлениях на писательских съездах и собраниях, и в непризнании мнимых ошибок, и в отказе подписывать коллективные или индивидуальные отклики на различные организованные акции — от исключения из союза Солженицына до осуждения Сахарова.

Вернусь к 1963 году, времени публикации в «Неве» повести «Вокруг да около». При обсуждении повести в нашей писательской организации Федора Александровича хотели «выручить», подсказывали — дескать, он не хотел так изобразить деревенскую жизнь, это невольно получилось. Смысл его ответа был таков: «Хотел, не хотел, а там все куда хуже, чем я написал». Затем, уже летом, появилось организованное журналистами письмо веркольцев — «Куда зовешь нас, земляк?» (его напечатали и «Вечерний Ленинград», и «Известия»).

В результате Абрамова четыре года не печатали, а сама повесть вообще стала крамольной. Где-то к концу этого остракизма писателя я написал статью в журнал «Сибирские огни». Были там строки, относящиеся к «Вокруг да около» и «письму» веркольцев. Приведу отрывок из той статьи, который объясняет суть дела: «Критика приобрела характер проработки... Куда же звал своих земляков Абрамов? Он звал к соблюдению принципа материальной заинтересованности, к повышению культурного уровня села, к тому, чтобы колхозники были подлинными хозяевами своей земли... После осуждения волевых методов руководства и забвения принципа материальной заинтересованности стала очевидной правота Федора Абрамова в главном. И об этом нужно говорить теперь в полный голос».

Спустя некоторое время после прочтения моей статьи Абрамов сказал мне, что поставил перед ЦК вопрос о новом издании повести и в своем письме процитировал статью из сибирского журнала. Как видим, были не только проработчики, но и критики, которые поддерживали Абрамова в трудные для него времена. Назову Г. Радова, Б. Панкина, В. Лаврова. Неоценимой была поддержка А. Твардовского, чьи письма давали Федору Александровичу заряд бодрости.

Не меньшей, чем собственные беды, было для него изгнание из «Нового мира» Твардовского. И письмо одиннадцати писателей (М. Алексеев, П. Проскурин, С. Воронин, Н. Шундик...), и другие нападки на журнал отзывались в нем болью. В записных книжках писателя мы находим горькие строки об этой победе «братьев-славян». Уже этот эпизод да и решительный разрыв с «Нашим современником», постепенно обретавшим нынешние черты, позволяют понять, какой была любовь Абрамова к родному народу. Это было не слепое чувство, не подыгрывание слабостям, не противопоставление другим. «Я не стою коленопреклоненно перед народом, — говорил он, — перед так называемым «простым человеком». Нет, и народ, как сама жизнь, противоречив. И в народе есть великое и малое, доброе и злое. Более того, злое иногда поднимается над добрым и даже подминает его. Примеры? Да их немало как в мировой истории, так и в нашей отечественной, национальной». Неужели это написано не сегодня? Неужели он предчувствовал наши нынешние беды и хотел уберечь от них? Очень похоже: «Писать для народа, значит помочь ему понять свои силы и слабости».

Такой Абрамов, близкий по широте взглядов на народ и к А. Т. Твардовскому, и к Д. С. Лихачеву, недоступен людям ограниченным и мелким. Вспоминаю рассказанный им эпизод из встреч в Армении. Федор Александрович сказал, что приветствует древний народ от имени более молодого народа. Боже, какое негодование «братьев-писателей» вызвали его слова, якобы кого-то принижающие.

Мне хотелось оспорить некоторых «новоявленных друзей» Абрамова, которые судят о нем по себе в своих будто бы воспоминаниях. Но даже имен называть не хочу, хотя ложь, публикуемая ими, не безобидна. Абрамов сам защитит себя. Своими произведениями, своими записными книжками, своими письмами. Наконец, несуетностью, подчиненностью главному своему делу. Он не редактировал журналы, отказывался стать литературным начальником (его уговаривал лично тов. Романов), не занимал должностей (с заведования кафедрой ЛГУ ушел в 1959-м). За десять дней до роковой операции сказал мне обреченно: «Как хотелось бы еще поработать...».

В это понятие — «работа» входило многое. И часы за письменным столом, и бесконечные расспросы знакомых и почти незнакомых людей, их «прощупывание». Ему были интересны люди деятельные. Он тяжело переживал наши общие неудачи и мучительно искал выход из того тупика, в который вошло общество. Он говорил, что главной своей писательской задачей видел — разбудить человеческое в человеке. И его требовательный голос сегодня обращен к каждому из нас: «Мы ничего не можем, ничего не решаем!» — это самый ненавистный мне образ мышления... ничто так не ненавистно мне, как пресловутое «мы ничего не решаем». За этими словами скрывается трусость, равнодушие, лень... Человек многое может».

Как хотелось, чтобы эта мысль большого писателя звучала с газетных и журнальных страниц не только в дни его юбилея, чтобы она будила, жгла, поднимала каждого выше личных амбиций и самолюбий, чтобы любовь к стране и народу проявлялась по-абрамовски страстно и бескорыстно.

Александр РУБАШКИН

А. КОРШУНОВ

ПРЯМОТА

Ты стал уже легендой
для кого-то,
Обрел свою особенную стать.
И на обиды отвечал работой,
Стремясь своих позиций
не сдавать.
Я помню ту злосчастную
газету,
Где выстраданной болью
горьких слов
Поведал ты однажды белу
свету
О нищудышной жизни
земляков.
Что началось тут!
Как тебя чернили!
И как опровергали правду ту!
Но, к счастью, культ тогда уж
был бессилен,
Иначе бы сидеть за прямоту!
Еще не сразу критики угасли,
Браня тебя в десятках
лживых книг,
Но набирался силы Мишка
Пряслин —
Помор двужильный,
пинежский мужик.
Подростком в дни войны
оставив парту,
Худой, костистый, впроголодь
порой,
Трудился он отчаянно,
с азартом,
Чтобы помочь в беде стране
родной.
И вот теперь выискивают
рьяно,
С кого писал ты Пряслина
тогда?
Как избежал привычного
обмана
В картинах непосильного
труда?
В сужденьях резок
и в общенье труден,
Ты не умел, не мог вполсилы
жить
И без остатка отдал сердце
людям,
Чтоб правдой жизни души
бередить...